

форм её жизнедеятельности: этническую, социальную и духовную.

2.2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ О ВРЕМЕНИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Изучение российской цивилизации в параметрах времени предполагает поиск синхронных и асинхронных длительностей взаимосвязанных процессов и явлений, маркирующих динамику её жизнедеятельности. В философии лишь в конце XX в. типология темпоральности, известная в других областях знаний по величинам астрономического, физического и биологического порядка, была конкретизирована таким важным компонентом, как социальное время¹. Методологический инструментарий наряду с известной тройственностью фигур (прошлое – настоящее – будущее) обогатился знаниями об основных свойствах времени: векторности, необратимости, множественности, неравномерности, дискретности, конечности, периодичности². Обществоведами с помощью проблемно-хронологического метода было осмыслено соотношение между такими единицами социальной темпоральности, как период, стадия, волна, цикл, фаза³.

Авторами исторических исследований проблема времени в разрезе указанного многоуровневого содержания явно не формулировалась, но подразумевалась в распространенной практике обоснования схем периодизации жизненных циклов общества/цивилизации. Опорным инструментом служил аналитический аппарат, предназначенный для описания внутренней

---

¹ Каширина О. В. Культура времени в современной картине мира: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ставрополь, 2007. – С. 5.

² Дука О. Г. Указ. соч. – С. 76–79.

³ См.: Гречко П. К. Концептуальные модели истории. Пособие для студентов. – М.: Логос, 1995. – 141 с.; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного времени. – С. 458.

логики развития социальных структур в пределах соответствующих временных континуумов. Рассмотрим, каким образом систематизировалась требуемая для этих целей фактология и какова была вероятность у предложенных вариантов систематики стать основой для идентификации времени российской цивилизации?

Часть интересующей нас аналитики была сосредоточена в концепции И. А. Петровой. Отталкиваясь от философского определения времени, выражающего последовательность существования сменяющих друг друга явлений, автор, опираясь на опыт своих предшественников, структурировала социальную темпоральность на основании выделения сфер общественной жизни: политической, экономической, идеологической, культурной, религиозной, демографической и других¹. Утверждалось, что базисные изменения на технологическом уровне и смена этнических форм (род – племя – народность – нация – наднациональная общность) должны измеряться в рамках цивилизационного подхода в стадийной версии по шкале макросоциального времени. В основе другого, формационного, подхода, лежит шкала, на которой фиксируются изменения в формах собственности и власти.

Небесспорная условность разделения временных потоков между названными подходами не умаляла привлекательности другой идеи И. А. Петровой – о различении потоков по направленности и скорости течения. В частности, перечисленные варианты их состояния относительно друг друга: прогрессирующее расхождение, совпадение и гармоничная согласованность, были соотнесены, соответственно, с социальными катаклизмами различного масштаба, поступательным развитием общества и идеальным течением социальной эволюции². Таким образом, автор постулировала несовпадение отмеченных выше форм со-

---

¹ Петрова И. А. Особенности цивилизационного развития России в этническом времени: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Волгоград, 2000. – С. 21.

² Там же. – С. 25 - 26.

циального времени по таким признакам, как: последовательность, направленность, скорость и длительность течения явлений (процессов).

В атмосфере развивавшейся моды на поиски идентичностей исторических феноменов идеи И. А. Петровой указывали на важность правильного выбора масштаба шкалы для измерения социального времени той или иной системы, при несоответствии с которым понимание её свойств как целостности деформировалось. В случае искусственного занижения значений шкалы центр внимания исследователя неизменно перемещался на составляющие временные потоки. В случае завышения – на поглощающую системность. Утверждение автора о том, что психофизиологическая природа человека является субстратом формирования представлений о времени¹, относилось в первую очередь к этническому времени, которое позиционировалось в качестве ядра социальной темпоральности. Представленные рассуждения подводили к мысли о наличии тесной взаимосвязи между контурами времени российской цивилизации и российского суперэтнуса, т.е. соотносимыми по масштабу системностями, вторая из которых выступала в качестве биосоциальной основы первой.

Концепции линейного подхода к измерению времени русской цивилизации

Обратимся к своим источникам, чтобы выяснить, по каким критериям исследователи размечали диапазон времени русской цивилизации, считаваемый по опубликованным там таблицам периодизации. Один из способов фиксации его внутренних временных лагов предлагали учёные, занимавшиеся выявлением и анализом различий между социальными поколениями². Их смена рассматривалась как переход через каждые

---

¹ Там же. – С. 7.

² Согласно А. Н. Каньшину и С. Б. Шинёву, поколение «...как социальный институт русского общества определяется исторически длительно и устойчиво существующей совокупностью граждан, которая обладает при-

18–25 лет (время одного поколения) общественной инициативы к многочисленной группе индивидуумов наиболее работоспособного возраста (30–50 лет), сохранившей приобретённые предшественниками адаптивные реакции к окружающей среде, на основе которых под влиянием новых жизненных обстоятельств сформировались другие мировоззренческие ориентиры, ценности и связанные с ними материальные и духовные потребности¹.

Узкий круг авторов сосредоточился на исследовании истории некоторых поколений преимущественно периода XIX – начала XXI в., оказавшихся наиболее удобными для анализа в связи с доступностью и полнотой источниковой базы. Отдельно выделялись этносоциальные, профессиональные, религиозно-духовные поколения, среди них – переходные и этапные сообщества, уточнялось участие каждой из перечисленных групп в воспроизводстве и трансляции общих и узкогрупповых стереотипов поведения². Учёные использовали методики анализа духовного мира их представителей и доминировавших в этой среде императивов, предопределявших периодическое (4–5 раз в столетие) обновление содержания связей в цепочке «личность – поколение – государство – общество».

В целом проект создания обширной по структуре поколенческой хронологии, предполагавший анализ и сравнение между соответствующими микроэтапами тенденций в трансформа-

---

знаками семейно-наследственного, социально-возрастного или профессионального разграничения полномочий и социальных ролей, преемственностью и представительством, саморегуляцией, высокой значимостью содержания и результатов деятельности для совершенствования культуры российского общества и всего отечественного цивилизационного процесса» (Каньшин А. Н. Указ. соч. – С. 20 - 21; Шинёв С. Б. Российская цивилизация и её поколения // Безопасность Евразии. – 2006. – № 2. – С. 510 - 511).

¹ Кульпин-Губайдуллин Э. С. Семипоколенные циклы русской истории // Проблемы математической истории. Основания, информационные ресурсы, анализ данных / Отв. ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. – М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008. – С. 139 - 158; Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. – С. 360 - 371.

² Мельников Ю. Н. Указ. соч. – С. 85 - 88.

ции кластера признаков, характеризовавших социальную среду цивилизации, в рассматриваемый период находился на начальной стадии своей реализации.

Следует отметить, что в социогуманитарном сообществе преобладала традиция отмерять временной ряд процессами большой длительности. Самой продолжительной получилась хронология у О. А. Платонова, затем заимствованная и отчасти переработанная А. Н. Каньшиным. Утверждалось, что русская (в терминологии О. А. Платонова) цивилизация в своём развитии прошла четыре этапа: первый – зарождение (продолжался примерно со II тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э.), второй – становление (с середины I тыс. до второй половины XIV в.), третий – расцвет (со второй половины XIV в. до последней трети XVII в.), четвертый этап – разрушение или упадок (с последней трети XVII в. до наших дней)¹. Цивилизация была представлена в виде социального организма, длительность существования которого была поставлена в зависимость от степени приобщения русского народа к православным ценностям. Не вызывает сомнений, что исчисление времени предпринято по чрезмерно узкой в функциональном отношении шкале интенсивности проявлений религиозных ценностей в рядах титульного этноса. Тем более что указанный фактор имел в истории общества свои ограниченные возможности избирательно предопределять последовательность смены социальных форм далеко не во всех сферах жизнедеятельности.

По существу, избранный критерий периодизации не должен был выделить в отмеченных временных границах этап зарождения, так как появившись только в начале I тысячелетия, христианство, за исключением редких известных случаев, до IX в. было не знакомо сознанию жителей Киевской Руси.

---

¹ Платонов О. А. История русской цивилизации // Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. Составитель О. А. Платонов. – М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2000. – С. 351.

Тот же критерий у автора оказался уже нечувствительным к серьёзным подвижкам, произошедшим в 1990-х – начале 2000-х гг. в духовной жизни России под влиянием возраставшего авторитета всех действовавших на её территории конфессий.

Не отказываясь от данной периодизации, другой исследователь – А. Н. Каньшин переопределил третий этап вместо расцвета (в контексте религиозной культуры) на совершенствование русской цивилизации и расцвет православной духовности. Четвёртый этап вместо формулировки своего предшественника – «разрушение» (в смысле постепенного забвения религиозных и нравственных ценностей) был назван развитием российской цивилизации. В заимствованную хронологию упомянутые этапы вошли благодаря новому критерию, в роли которого выступил принцип «неразделимого этносоциокультурного единства»¹.

Обоснование и факт тиражирования периодизации русской/российской цивилизации в категориях «зарождение», «становление», «совершенствование», «расцвет», «развитие» и «упадок» являлись подтверждением того, что у некоторых исследователей преобладало представление о её существовании в рамках собственного жизненного сверхцикла. При этом общий вектор направленности сверхцикла был определён двумя взаимодействующими родственными потоками – этнического и социокультурного времени. Впрочем, у А. Н. Каньшина эта позиция реализовалась с допущением, что указанные потоки соединяются в одну последовательность смены таких новообразований с небезупречной семантикой, как: «праславянское восточное общество племён», «славяно-русское общество», «русское московское сложное общество», «российское сложное общество», «советское сложное общество», «постсоветское российское общество»².

---

¹ Каньшин А. Н. Указ. соч. – С. 20, 55.

² Там же. – С. 70 - 71.

Перечисляя признаки выделения названных форм, автор оперировал понятиями, характеризовавшими сложившуюся в соответствующий период систему государственного управления, наличие (отсутствие) институтов гражданского общества, экономические отношения, политические противостояния и многие другие факторы. Таким образом, представление о темпоральности цивилизации как целостности растворялось во множестве потоков социального времени, порождая иллюзию бесконечности её прошлого и будущего.

В историографии можно встретить другие версии линейного подхода, под влиянием которого познание целостности осуществлялось через познание совокупности составляющих подсистем. Сказывался дефицит знаний о системности локальной цивилизации, чтобы игнорировать явления (процессы) вторичного порядка, с помощью которых отмерялась история в соответствующем им масштабе темпоральности.

Указанный недостаток такие исследователи, как А. А. Маслов, Д. В. Суворов и А. Я. Флиер, пытались преодолеть в семантическом плане, переопределив в общей хронологии этапы на субцивилизации – некий промежуточный вариант между целостностью системы и её сегментами¹. Разграничивающим признаком А. Я. Флиер и А. А. Маслов выбрали трансформацию большой группы культурно-исторических факторов, которые имели свои особенности в том или ином периоде. На этом основании А. Я. Флиером были выделены следующие субцивилизации:

- Киевская Русь (конец X – XIII в.),
- Московская Русь (XIV – XVII в.),
- имперская Россия (с начала XVIII в. до наших дней).

---

¹ Согласно Д. В. Суворову, субцивилизации – это «особые «исторические организации», являющиеся модификациями целостной цивилизации, наиболее крупный сегмент целостной цивилизации, отличающийся пространственно-временной, ценностно-духовной, культурно-материальной и социально-организационной спецификой, позволяющей выделить данный феномен из цивилизации в целом» (Суворов Д. В. Указ. соч. – С. 8).

После корректировки списка А. А. Масловым добавились «Россия времени татарского ига» и «Россия советская»¹.

Субцивилизации, отмеченные Д. В. Суворовым (киевская, ордынская, московская, петербургская, советская, постсоветская), были привязаны к соответствующим волнам модернизации. Исследователи данной группы ввели отсчёт нижней границы хронологии с Киевской Руси и выстроили очередность смены субцивилизаций, которая не только совпала, но, по их мнению, в значительной мере обуславливалась аналогичными этапами эволюции государственности.

Имелись и другие, близкие по содержанию версии, отождествлявшие время цивилизации с кластером социального времени. Согласно В. Ф. Шаповалову, в результате модернизации экономической и политической сфер в России, начатой Петром I, произошёл цивилизационный сдвиг, который сформировал в обществе новый культурно-генетический код, и на прежнем этноконфессиональном ядре к началу царствования Александра I возникла современная российская цивилизация, следующая после Московской².

Логика описания последовательности смены доминант в жизни общества подвела Ю. К. Бегунова, А. В. Лукашёва и А. В. Пониделко к выводу, что Россия с 1985 г. переживает уже седьмую цивилизацию. Предыдущие существовали, соответственно (далее в терминологии авторов): первая – в I – X в., вторая – в 988 – 1240 гг., третья – с середины XIII в. до 1347 г., четвёртая – в 1547 – 1700 гг., пятая – в 1700 – 1917 гг., шестая – в 1917 – 1985 гг.³.

---

¹ Флиер А. Я. Об исторической типологии Российской цивилизации // Научный альманах «Цивилизации и культуры. Вып. 1: Россия и Восток: цивилизационные отношения». – М. [б. и.], 1994. – С. 94; Маслов А. А. Указ. соч. – С. 124.

² Шаповалов В. Ф. Понятие современной российской цивилизации // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – № 2. – 2006. – С. 44, 47 - 48.

³ Цит. по: Ирхин Ю. В. Специфика, характер и этапы генезиса российской цивилизации // Национальная идентичность России и демографический

Не вызывает сомнений, что хронологии, составленные на основе названных выше принципов, в различных вариациях повторяли сложившуюся в советской науке формационную периодизацию истории России, дополненную аргументацией из модернизационных и культурологических концепций. С аналогичных позиций В. В. Викторов и Е. Н. Левченко выделили шесть этапов в развитии российской цивилизации:

- восточнославянский (VIII – XIII в.);
- русско-православный, московский (XIII – середина XV в.);
- русско-православный, великорусский (середина XV – XVII в.);
- всероссийский, императорский (XVIII в. – 1917 г.);
- советский (1917–1992 гг.);
- постсоветский (с 1992 г.)¹.

К. А. Феофанов обозначил только четыре этапа: X–XV вв. – соби́рание русских земель, XVI–XVII вв. – утверждение и укрепление Русского государства вокруг Москвы, от реформ Петра I до 1917 г. – имперский этап, 1917–1991 гг. – период советского государства².

Некоторые исследователи обратили внимание на то, что ключевую роль в ускорении процесса обновления социального ландшафта цивилизации играли фазовые разломы³. В широком смысле, по мнению В. Д. Грачёва, это фазы (во временном отношении) и границы (в пространственном) взаимодействия

кризис. Материалы Всероссийской конференции, 15 ноября 2007 г. – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 48 - 49.

¹ Викторов В. В. К вопросу об этапах развития и модернизации российской цивилизации // Вестник Финансовой академии. – 2005. – № 3. – С. 86; Левченко Е. Н. Указ. соч. – С. 84.

² Феофанов К. А. Социально-политические и ценностно-ментальные особенности цивилизационного развития России // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 1. – С. 113.

³ Андреев И. Л. Осторожно с «часами» истории! (Методологические проблемы цивилизационного процесса) // Вопросы философии. – 1998. – № 9. – С. 49.

между цивилизациями¹. В данном контексте их изучали: Г. В. Драч, А. В. Липатов, А. И. Неклесса, В. Л. Цымбурский и другие авторы, в части взаимодействия культур в масштабе геополитического времени².

В узком смысле разломом называли промежуток (с достаточно размытыми границами) от завершения одной стадии цивилизации и до начала другой. В трудах Н. Н. Моисеева он трактовался как несовместимость новых форм научно-технического прогресса и веяний в духовной жизни с традиционным мышлением и поведением людей³. В концепции А. С. Ахиезера «разлом» заменило понятие раскола, который характеризовался перманентным противостоянием между традиционными и либеральными ценностями, проявлявшимися в многообразии всепроникающих противоречий: между элитой и остальным обществом, внутри элит, в духовном мире личности и во многих других проявлениях антиномий⁴. У некоторых авторов понятие разлома обозначалось алогичной терминологией: темпоральная революция (В. К. Карнаух) или цивилизационная революция (Л. Г. Олех, Е. Б. Черняк)⁵, имевшей в виду переход к качественно иным формам социальной организации.

---

¹ Грачёв В. Д. Цивилизационные разломы и метаморфозы познания. – Ставрополь: Мир данных, 2006. – С. 55.

² Неклесса А. И. Конец цивилизации, или конфликт истории // Международная экономика и международные отношения. – 1999. – № 3. – С. 32; Цымбурский В. «Цивилизационная модель» международных отношений и её импликации // Полис. – 1995. – № 1. – С. 135; Драч Г. В. Культура и цивилизация на рубеже третьего тысячелетия [Электронный ресурс] – URL: <http://www.relga.sfedu.ru/n32/cult32.htm> (дата обращения 7.09.2010); Липатов А. В. Цивилизационный излом // Европа. – 2004. – Т. 4. – № 3. – С. 71 - 89.

³ См.: Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы (эколого-политологический анализ) // Социально-политический журнал. – 1995. – № 4. – С. 62 - 76.

⁴ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. II. Теория и методология. Словарь. – С. 390 - 394.

⁵ Карнаух В. К. Формы цивилизационных процессов (волны цивилизации): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2000. – С. 12; Олех Л. Г. Цивилизации и революции. – С. 6 - 7; Петрова И. А. Указ. соч. – С. 40 - 41; Черняк Е. Б. Указ. соч. – С. 339 - 348.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в координатах социальной темпоральности, использованных для хронологии российской цивилизации, обнаруживалась доминирующая роль векторов политического и социокультурного времени. Представления исследователей о времени российской цивилизации как о линейном в разрезе длительностей и смены социальных форм жизнедеятельности базировались не на признаках – свойствах указанного феномена как целостности, а на признаках – проявлениях его специфики. Обилие проявлений давало ложный повод считать обоснованной любую версию хронологии, созданную на их основе. Авторы не смущались и не полемизировали друг с другом по поводу разночтений с коллегами в датировке и названии периодов. Сформировался широкий диапазон мнений о времени российской цивилизации, включавший точки зрения как сужавшие, так и чрезмерно увеличивавшие её жизненный путь. Как видим, линейный подход, соответствовавший классической рациональности, не способствовал появлению новых знаний о темпоральном плане цивилизации как целостности и замыкал пределы её осознания масштабом отдельных сегментов социального времени (политического, экономического, культурного).

Концепции циклично-волнового подхода к измерению времени российской цивилизации

Другая часть интересующей нас аналитики, раскрывавшая множественность времени российской цивилизации, базировалась на других единицах измерения – на градации волновой динамики характеризующих её явлений (процессов). С конца 1980-х гг. в этом направлении наблюдалось оживление исследований. Общим отправным теоретическим и методологическим ресурсом служили концепции русских учёных о закономерности повторения тенденций в различных средах.

Внимание гуманитарного сообщества привлекали, прежде всего, идеи А. Л. Чижевского, высказанные в 1920-е гг., о зави-

симости жизни на Земле от свойств и ритмов поступающей из космоса солнечной энергии¹. Они воспринимались как фактор, косвенно (через связь между физиологическим самочувствием организмов и неосознаваемыми мотивами поведения людей) влияющий на события в социальной жизни. Считалось, что кратковременность цикла солнечной активности (11 лет) мало пригодна для поиска закономерностей в развитии больших социумов на достаточно протяжённых временных интервалах².

В конце XIX в. экономистами М. Туган-Барановским, А. И. Гельфандом и другими было отмечено существование длинных волн экономической конъюнктуры, которые в 1920-е гг. описал Н. Д. Кондратьев на основе статистики европейских стран³, а в 1927 г. П. А. Сорокин переложил их на социально-исторические процессы⁴. Периоды больших циклов были датированы Н. Д. Кондратьевым следующим образом:

- I цикл: повышательная волна — с конца 1780-х — начала 1790-х гг. XVIII в. до 1810 — 1818 гг.,
понижательная волна — с 1810—1817 гг. до 1844—1851 гг.;
- II цикл: повышательная волна — с 1844—1851 гг. до 1870—1875 гг.,
понижательная волна — с 1870—1875 гг. до 1890—1896 гг.;
- III цикл: повышательная волна — с 1890—1896 гг. до 1914—1920 гг.,
вероятная понижательная волна — с 1914—1920 гг.

---

¹ См.: Чижевский А. Л. Космический пульс жизни. — М.: Мысль, 1995. — 767 с.

² Сапронов М. В. Цикличность исторического процесса. (Историография. Теория. Методология): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Челябинск. 2003. — С. 16.

³ См.: Ерохина Е. А. Стадии развития открытой экономики и циклы Н. Д. Кондратьева. — Томск: Водолей, 2001. — 181 с.; Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. — М.: Наука, 1991. — 567 с.; Меньшиков С. М., Клименко Л. А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. — М.: Международные отношения, 1989. — 270 с.; Полетаев А. В., Савельева И. М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма: (Опыт междисциплинарного исследования). — М.: Наука, 1993. — 249 с.

⁴ Сорокин П. Циклические концепции социально-исторического процесса // Россия и современный мир. — 1998. — № 4 (21). — С. 28 - 40.

Утверждалось, что длине каждой волны (ориентировочно в 50 лет) соответствует становление, развитие в своей повышательной фазе и разложение в понижательной фазе некой базовой экономической структуры. Одновременно в понижательной фазе создаются предпосылки кардинально нового экономического порядка.

В рассматриваемый период под влиянием изложенных выше идей, представлявших в сравнении с формационной теорией новый подход в объяснении закономерностей эволюции социальных систем и прогнозировании их течения в будущем, сложился ряд центров по изучению циклов природы и общества. В 1990 г. была создана ассоциация «Прогнозы и циклы» (Москва), в рамках которой один из ведущих специалистов в этой области знаний – Ю. В. Яковец объединил своих единомышленников. Вслед за этим последовало формирование других научных структур: Международного фонда Н. Д. Кондратьева (1992) при Институте экономики РАН (Москва), ассоциации «Циклы и управление» (Санкт-Петербург, президент А. И. Субетто), Отделения исследования циклов и прогнозирования Российской академии естественных наук (1996), Академии прогнозирования (исследования будущего) (1997), Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева (Москва, 1999). В деятельности этих организаций/общественных объединений на правах организаторов и авторов научных работ, активное участие принимала большая группа специалистов, преимущественно экономистов и философов, исследовавших проявления цикличности в различных сферах жизнедеятельности общества (А. И. Агеев, С. Ю. Глазьев, О. В. Доброчеев, Б. Н. Кузык, В. Т. Рязанов, А. И. Субетто, Ю. В. Яковец и другие).

Данное научное направление активно развивалось в научно-исследовательском институте (далее – НИИ) «Циклы природы и общества» (Ставрополь) под руководством Ю. Н. Соколова. В период с 1993 по 2007 г. сотрудниками НИИ было проведено свыше 20 международных тематических конференций,

в которых приняли участие более 100 сторонников подхода, представлявших вузовские центры большинства регионов страны. С 2007 г. с периодичностью четыре номера в год коллективом НИИ выпускался специализированный журнал «Циклы».

Наработанный аналитический аппарат оказался достаточно удобным для представления направленности поведения социальных систем в прошлом и его прогнозирование на обозримое будущее. Своё обоснование, составленное с позиций синергетики, обогащённое идеями кибернетики, он получил в виде общей теории циклов, разработанной Ю. Н. Соколовым на примере элементарного «силового узла», названного квантом взаимодействия¹.

По мнению автора, эволюционные изменения по форме представляют собой волновой процесс, фиксируемый в любых средах, являющийся исходным видом движения противоречий. Противоречия колеблются между двумя противоположностями, заложенными уже на уровне кванта взаимодействия. Одной стороной противоположности является направление силы – определённо направленный вектор или совокупность векторов сил. Направление тождественно пространству, так как фиксирует процесс «одно рядом с другим» и его можно охарактеризовать только количественно (длиной, площадью), то есть результирующим показателем динамики колебаний в виде волнообразной кривой. Структура пространства отражена в понятии «ритм» и делится на фазы (этапы): зарождение, подъём, упадок, гибель. Конец последней фазы является началом следующего кванта взаимодействия или следующего цикла.

Другой стороной противоположности является геометрия сил – линия, которую в процессе взаимодействия описывают основания векторов сил. Её можно выразить только качественно при соотношении того или иного вектора с векторами дру-

---

¹ См.: Соколов Ю. Н. Общая теория цикла. – Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского технического университета, 2001. – 59 с.

гих сил (вверх-вниз, правое-левое, взад-вперёд). Геометрия сил формирует структуру времени в виде круга, фиксирующего процесс «одно после другого» и выраженного понятием «цикл». Взаимодействие и взаимообусловленность направления силы и геометрии сил означает, что если процессы циклические, то они одновременно и ритмические, и наоборот.

Нетрудно заметить, что в концепции Ю. Н. Соколова была описана спиралевидная модель времени. Тем не менее предназначенная для обоснования полициклического характера эволюции общества, она предоставляла представителям социально-гуманитарных наук неограниченные возможности измерять в указанных единицах темпоральность социальных процессов по широкому спектру оснований: по полю действия (множеству сфер жизнедеятельности), длительности (по шкале астрономического, биологического, физического времени) и видовому разнообразию пространства (единичного, локального, регионального, странового, планетарного и др.). В этой ситуации в историографии не могла не возникнуть постановка проблемы циклическости российской цивилизации.

В рамках рассматриваемого подхода сформировалось два направления её решения: через определение параметров темпоральности социальных сфер и изучение жизненных циклов суперэтноса с привлечением идей из области естественных наук.

При этом первое направление более интенсивно разрабатывалось как в междисциплинарном, так и в предметных пространствах в сравнении со вторым. Его яркими выразителями были Ю. В. Яковец с единомышленниками (историки, экономисты, политологи, представители физико-технических наук, философы), разделявшими убеждения о необходимости изучать историю цивилизаций в разрезе «исторических» (терминология Ю. В. Яковца) циклов.

Юрий Владимирович посвятил своё творчество исследованию социальных циклов (экологических, демографических, технологических, экономических, политических, научных,

культурных, образовательных и цивилизационных – в стадийной версии)¹. Чтобы выявить и описать особенности развития того или иного народа или страны, в качестве рабочей гипотезы им были сформулированы закономерности циклической динамики. В системе знаний об обществе положения оказались универсальными и тезисно их можно донести до читателя в следующем виде.

1. Течение исторического процесса имеет неравномерный, волнообразно-спиралевидный характер. Любая общественная система функционирует в пределах своего жизненного цикла, состоящего из последовательно сменяющих друг друга фаз: зарождения в недрах старой системы, рождение, утверждение в борьбе с отживающей системой, распространение, превращение в преобладающую систему, зрелость, дряхление с нарастанием внутренних противоречий и вступлением в кризис, противоборство с ростками новой зарождающейся системы, длительная фаза отмирания и реликтовое существование в виде отдельных трансформированных осколков на периферии новой системы.

2. Разновидности во временном и пространственном плане социальных циклов имеют различной глубины и длительности траектории движения. Их синхронность проявляется в вариантах взаимодействия: однородные циклы, следующие друг за другом, взаимно перекрывают свои начальные и конечные фазы; происходит взаимное наложение, а следовательно, взаимовлияние одновременно действующих циклов не тождественных социальных систем; на каждую фазу большого по длительности цикла системы накладывается множество коротких циклов её составляющих элементов.

3. Скорость течения времени неоднородна по фазам. Она ускоряется в переходные периоды между циклами и фазами, отмеряя возрастающим количеством событий растущую неустойчивость в динамике системы, усиливая роль случая в ис-

---

¹ См.: Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М.: Наука, 1999. – 448 с.

тории. Ускоряются темпы эволюции системы, создавая условия для изменения вектора тенденций. Ритмика событий замедляется в фазах зрелости и застоя.

4. Каждая страна имеет свои характеристики темпоральности, неповторимую траекторию и темпы движения, в какой-то период приближаясь, отдаляясь или олицетворяя собой эпицентр, по ритмам которого ведётся отсчёт траектории социального времени в планетарном масштабе.

5. Социальные циклы находятся в постоянном взаимодействии с природными циклами (биологическими, генетической наследственности человека, климатическими, геологическими, астрономическими, физическими)¹.

В дальнейшем, в процессе совершенствования знаний о природе темпоральности, И. А. Петровой был поставлен вопрос о тавтологичности термина «историческое время», «поскольку сама история есть последовательность всех и всяческих событий жизни человека и человечества»². Эту ремарку можно было применить и в отношении термина «исторический цикл», что не умаляло в целом научного значения перечисленных выше закономерностей, которые нашли подтверждение в трудах многих исследователей. Знания о цикличности социальных аспектов российской цивилизации приобрели статус фундаментальных, корректировавших вектор изысканий в науках об обществе.

Так, проблемное поле экономических дисциплин обогатилось нео-(постне) классическими концепциями о циклах: Дж. Китчина (движения товарных запасов с периодом от 2 до 4 лет), К. Жюгляра (оборота инвестиций с периодом 7 – 10 лет), С. Кузнецца (в строительстве – 20 лет) и десятков других, синхронизированных между собой в рамках длинных волн экономической конъюнктуры Н. Д. Кондратьева.

---

¹ Яковец Ю. В. История цивилизаций: учебное издание. – С. 42 - 46.

² Петрова И. А. Указ. соч. – С. 21.

Уточнению содержания того или иного способа производства и объяснению причин многоукладности хозяйственной системы способствовала теория С. Ю. Глазьева о технологических циклах. Согласно автору, экономика периодически меняет вектор развития вследствие доминирования в структуре средств труда нового ключевого фактора, в роли которого поочередно выступали (в хронологии развития экономик стран Западной Европы):

- текстильные машины (1-й уклад – 1770–1830 гг.);
- паровой двигатель, станки (2-й уклад – 1830–1880 гг.);
- электродвигатель, сталь (3-й уклад – 1880–1930 гг.);
- двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия (4-й уклад – 1930–1980 гг.);
- микроэлектронные компоненты (5-й уклад – с 1980 г.)¹.

В работах Л. В. Милова и Э. С. Кульпина соотношение между технологическими и природными циклами оценивалось по шкале социального времени посредством характеристики периодов колебания уровня плодородия почв, урожайности зерновых культур, обеспеченности крестьян землёй и других факторов².

Концепция демографических циклов России, разработанная С. А. Нефёдовым, предоставляла возможность объяснить как следствие увеличения населения такие происходившие в рамках отдельных циклов явления, как: рост городов, крестьянское малоземелье и разорение деревни, развитие крупного землевладения и ростовщичества, причины голода, восста-

---

¹ Глазьев С. Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. [Электронный ресурс] – URL: http://www.glazev.ru/econom_polit/2477 (время обращения: 11.02.2012); Урбан В. Ю. Влияние технологической многоукладности на становление и развитие «экономики, основанной на знаниях»: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – Саратов, 2006. – С. 8.

² См.: Кульпин Э. С. Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 88 - 98; Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса.

ний, гражданских войн и установления авторитарных режимов¹.

Исследуя цивилизационную специфику волн модернизации в России, В. И. Пантин и В. В. Лапкин по признаку инверсии зеркальных противоречий выделили периоды, связанные с тенденциями в трансформации экономики и циклическим чередованием политических реформ и контрреформ. Реформа, по мнению учёных, означала «не просто изменение системы государственного управления (подобное происходило в России практически при всех режимах – от Ивана Грозного до Петра I или Сталина), а по преимуществу либерализацию политической и экономической жизни, на основе которой происходят дифференциация и усложнение политической системы как таковой»². Так, в XX в. периодами реформ авторы считали: 1905–1911 гг., 1922–1927 гг., 1956–1958 гг., с 1985 г. и далее, за ними следовали непродолжительные в 3 – 5 лет переходные фазы и затем контрреформы: 1929–1953 гг., 1971–1982 гг.

Смысл контрреформ В. Т. Рязанов сформулировал как «некие преобразования с нерыночной ориентацией, корректирующие предыдущую фазу в соответствии с имеющимися внутренними и внешними ограничителями, или смену на более приемлемый вариант рыночного хозяйствования, отличный от существующих в мировой экономике образцов»³. И далее исследователь отмечал присутствие в государственных кругах и обществе двух существенных мотивов: реставрационного, свя-

---

¹ Нефёдов С. А. Демографически-структурная теория и её применение в изучении социально-экономической истории России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2007. – С. 16 - 25.

² Пантин В. И. Волны и циклы социального развития. Цивилизационная динамика и процессы модернизации. – М.: Наука, 2004. – С. 109 - 114; Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы. [Электронный ресурс] – URL: http://www.xrh.ru/e107_plugins/content/content.php?content (дата обращения 22.11.2011).

³ Девятов Т. А. Интервью с В. Т. Рязановым. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1530> (дата обращения 16.11.2011).

занного с определенными настроениями и политическими силами, делавшими ставку на обновление ушедшей в прошлое модели хозяйствования, приспособление её к новым условиям; вторым мотивом могла быть выработка альтернативного курса экономического реформирования.

Нетрудно заметить нестрогое отношение учёных к установлению соответствия между последовательностью обнаруживаемых изменений и наличием там циклической динамики. Чередование описываемых процессов позволяло говорить если не о цикличности, то о волнообразном их течении. Анализ примеров неоднократного повторения в конкретном обществе (особенно в периоды масштабных его реорганизаций) ситуации временных откатов от ранее достигнутых позиций в социальном развитии и сохранение (консервация) остатков предыдущих отношений убеждали их во мнении, что не существует циклов в чистом виде, которые бы замыкались по всем основным параметрам. Это давало некоторым авторам свободу в избрании репрезентативной, на их взгляд, шкалы измерения времени по фазам жизненного цикла («кризис, депрессия, оживление, подъем» – у большинства экономистов; «становление, расцвет, гибель» – у Ю. М. Павлова и А. И. Смирнова; «возникновение, рост, стабильность, стагнация, надлом, распад, трансформация – у Н. С. Розова; «детство, юность, зрелость» – у А. И. Дмитриева)¹.

Под впечатлением трудов К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера М. А. Емельянов-Лукьянчиков поддержал встреченную там идею о троичном членении всего сущего и вытекающее следствие – о трёх этапах жизни российской ци-

---

¹ Дмитриев А. И. Триада: Опыт анализа европейской цивилизации как культурно-исторического процесса. – Кемерово: Изд-во облИУУ, 2001. – С. 10; Павлов Ю. М., Смирнов А. И. Пространственно-временные характеристики цивилизации и человека // Политическая культура: «Научные труды МНЭПУ». – Вып. 6. – Серия «Политология». – М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. – С. 191; Розов Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. – С. 90 - 107.

вилизации общей длительностью в 1200 лет: первичной простоты (400 лет), цветущей сложности – 200 лет (середина XV – середина XVII в.), вторичного смесительного упрощения (600 лет)¹. Претензия на универсализм перечисленных выше схем была очевидна в их согласованности со всеми известными историческими фактами, которые черпались из одних источников.

У других авторов цикличность манифестировалась на основе обнаружения доминирующей пары противоречий (реформы – контрреформы, либерализм – консерватизм (традиционализм) (В. И. Пантин), инверсия – медиация (А. С. Ахиезер), вызов – ответ (адепты идей А. Дж. Тойнби), которым отводилась роль основного генератора временных процессов.

В целом, темпоральная проблематика развивалась в русле идеи о синхронизации циклов, заимствованной Ю. В. Яковцом из раздела физики, посвящённого изучению колебаний открытых физических систем кибернетическими методами. В общем виде синхронизация трактовалась как естественное свойство взаимодействующих двух или нескольких объектов (процессов), их согласованное функционирование во времени². Адаптация этой части физической аналитики к системе социогуманитарных знаний осуществлялась преимущественно экономистами – более последовательными сторонниками циклических концепций, профессиональная логика которых сложилась в междисциплинарном пространстве точных и общественных наук и позволяла перевести математический язык статистики в историко-социологические понятия. «Синхронизация, – писал Э. А. Азроянц, – обеспечивает любому организму возможность сопряжения всех происходящих в нём процессов и достижение равновесия между этим организмом как целым и процессами,

---

¹ Емельянов-Лукьянчиков М. А. Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского, О. А. Шпенглера, А. Дж. Тойнби. – С. 548 - 550, 578, 582.

² Фрадков А. Л. Кибернетическая физика: принципы и примеры. – СПб.: Наука, 2003. – С. 76.

протекающими во внешней среде. В этом случае становится недостаточным изучение изолированных друг от друга причинно-следственных цепочек, поскольку организм весь участвует в процессе синхронизации. А, как мы знаем, целое всегда представляет собой нечто большее, чем сумму своих частей. Более того, процесс синхронизации можно рассматривать, с другой стороны, как способ включения (встраивания) данного организма в организм большего масштаба и принадлежащий к более высокому иерархическому уровню»¹.

В контексте изложенного сотрудники Института экономических стратегий РАН разработали методологию выявления волнообразной динамики социальной истории России, подразумевая при этом вероятное определение временных и пространственных характеристик одноимённой локальной цивилизации. Методология предусматривала использование стратегической матрицы управления, имевшей, по замыслу авторов, в различные периоды истории индивидуальную геометрию в виде изломанной окружности. Девять её углов указывали на рост или уменьшение значений пространственных показателей девяти базовых факторов: геополитической среды, управления, территории, природных ресурсов, населения, экономики, культуры и религии, науки и образования, армии. В начале XXI в. эти показатели определялись экспертным путём по признаку неравномерного распределения социальной энергии как между названными факторами, так и по циклам их эволюции².

Была сформулирована гипотеза об уникальных российских длинных (80 лет) и сверхдлинных (400 лет) волнах социальной жизни. Так, 400-летние циклы (по известным событиям из истории государства были выделены: третий – 862–1270 гг., четвёртый – 1270–1721 гг., пятый цикл – с 1721 г.) представлялись

---

¹ Азроянц Э. А. Глобализация как процесс // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». – М.: Издательский дом «Новый век», 2001. – Вып. 5. – С. 17 - 18.

² Россия в пространстве и времени (история будущего). – С. 15 - 34.

более полными и законченными по своему содержанию, чем их составлявшие 80-летние. В последней сверхдлинной волне было выделено пять 80-летних циклов (1721–1774 гг., 1774–1856 гг., 1856–1918 гг., 1918–1998 гг., с 1998 г. и далее), где каждый имел законченное содержание самого разного качества – культурного, военного, промышленного, политического и т.д.

Как видим, в сравнении с линейным подходом концепции времени российской цивилизации, построенные на основе выявленных циклично-волновых процессов, несомненно, более полно представляли многослойную структуру темпоральности, отягощённую синхронными взаимодействиями смежных и иерархично соподчинённых элементов различных общественных подсистем. Тем не менее в рассматриваемый период не был найден ответ на вопрос «В чём заключается особенность времени российской цивилизации как целостности в отличие от совокупности временных параметров её составляющих подсистем?». Таким образом, в данном сегменте историографии не был выделен тот основной параметр темпоральности, который бы мог выступить важной частью полноценного теоретического обоснования сущности российской цивилизации. Сказывалась традиция оперировать типологией социального времени, обусловленная в каждом случае предметными предпочтениями авторов. Последние, как правило, находились в самоизоляции от другой части указанной проблематики, перспективной для выяснения истоков темпоральности, которая разрабатывалась представителями естественных и физических наук и требует анализа.

Концепции времени российской цивилизации в контексте естественно-научных знаний

Соответствующее направление исследований, по структуре состоящее из совокупности нео-(постне) классических идей связано в первую очередь с теорией этногенеза Л. Н. Гумилёва, в которой по смыслам, характеризовавшим суперэтнос, можно было судить, что речь идёт о сообществе, идентичном

локальной цивилизации. Автор включил в методологический инструментарий циклично-волновой подход и измерение интенсивности этнических процессов по виртуальной шкале градации пассионарности¹ – эффекта геохимической энергии живого вещества биосферы, открытой В. И. Вернадским. Динамика состояний указанного свойства послужила признаком для разделения жизни суперэтноса по фазам с их общей продолжительностью в среднем около 1500 лет. Пассионарность была представлена движущей силой многих социальных процессов, целенаправленной активностью, в сравнении с которой воля и интеллект выступали в роли необходимых средств для её проявления.

Жизненный цикл российского суперэтноса был охарактеризован по следующим фазам (см. таблицу 2):

1. *Фаза инкубационного периода и подъёма* с прогнозируемой длительностью 300 лет была ориентировочно с 1200 по 1500 г. и сопровождалась резким увеличением числа пассионариев, составивших авангард в борьбе за объединение земель восточных славян и их государственное самоопределение.

2. *Акматическая фаза* – приблизительно между 1500 и 1800 гг., отличалась наивысшим пассионарным напряжением. Л. Н. Гумилёв писал о повторявшихся состояниях «перегрева», при которых избыточная энергия тратилась на жёсткие внутренние конфликты между группировками её носителей.

3. *Фаза надлома* (200 лет) охватила XIX и XX столетия, когда количество пассионариев вследствие обострения борьбы соперничающих групп и отражения внешней агрессии резко сокращалось и отчасти восстанавливалось при одновременном

---

¹ «Пассионарность как энергия – избыток биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность часто ради иллюзорной цели»... «Пассионарии – особи, пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения»... «Гармоничные особи – особи пассионарный импульс которых равен по величине импульсу инстинкта самосохранения»... «Субпассионарии – особи, пассионарный импульс которых меньше импульса инстинкта самосохранения» (Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – С. 296, 348, 542, 544 - 546).

увеличении на конечном отрезке времени пассивной части населения (субпассионариев).

4. В *инерционной фазе* (300 лет), названной «золотой осенью» цивилизации, напряжение должно плавно снижаться.

Титульный этнос (русский)¹ при достижении внешнего благополучия неуклонно растрчивает запасы накопленных в предыдущих фазах ресурсов. В управляющей системе первоначальное преобладание гармоничных особей постепенно смещается в пользу носителей субпассионарной посредственности.

5. *Фаза обскурации* (300 лет) названа «сумерками» этноса по причине дальнейшего сокращения в его рядах численности пассионариев, упрощения государственности и наступления торжества культа потребления². Это время эмоционально пассивного и трудолюбивого населения, уже не способного оказывать эффективное сопротивление внутренним деструктивным процессам и внешним угрозам.

6. *Мемориальная фаза* (300 лет) – от бывшего величия остаются только воспоминания (былины) – «Помни, как было прекрасно!» Сохраняются этнические традиции, поддерживающие бесконфликтное существование в природной и внешней макросоциальной среде, но отсутствует общий эмоциональный настрой – ценой жизни защищать от агрессивных соседей собственный суверенитет. Предпосылки для новой мощной энергетической «зарядки» и зарождения уже другого этноса могут

---

¹ В публицистике понятие «титульный этнос» приобрело «налёт» национально избыточно ориентированной характеристики в связи с его отождествлением с частью населения (народом), национальность которого определяет официальное наименование государства. Однако, как показывает история, титульный этнос и религия выполняют функцию консолидации народов в суперэтническую целостность. С утратой им по каким-либо причинам указанной функции суперэтнос трансформируется (Майборода Э. Т. Феномен суперэтноса: Философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 1998. С. 17, 19 – 20).

² Сколота З. Н. Интерпретация гибели цивилизации в различных исследовательских контекстах // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2008. – № 7. – С. 136 - 137.

Таблица 2.

Таблица этнического времени российской цивилизации¹

Интенсивность колебания пассионарного напряжения в этнической системе	Принципы отношения этнического коллектива к индивиду	Доминирование идеалов поведения, соответствующих качественным характеристикам пассионарности						
		Периоды доминирования и уровень пассионарного напряжения в условных баллах (по Плуцевскому)			Целеполагание носителей пассионарности			
		Жертвенность (18-24)	Идеал победы (12-18)	Идеал успеха (8-12)	цель действий	сфера притязаний		
Инкубационный период (1200-1380)	<i>Надо исправить мир, ибо он плох!</i>	Жертвенность (18-24)	Идеал победы (12-18)	Идеал успеха (8-12)	идеал науки и творчества (4,5-8)	поиск удачи с риском для жизни (2-4,5)	Жертвующие собой во благо общества	
Пассионарный подъём (1380-1500)	<i>Будь тем, кем ты должен быть!</i>						самопожертвование	служение обществу
							Борцы за идеал победы	
<i>Переход</i>	<i>Мы хотим быть великими!</i>						власть	общество как объект борьбы за власть
Акматическая фаза (1500-1800)	<i>Будь самим собой!</i>	Тихий обыватель (0-0,5)	Идеал благосостояния без риска для жизни (0,5-2)	идеал науки и творчества (4,5-8)	поиск удачи с риском для жизни (2-4,5)		Борцы за идеал успеха	
<i>Переход</i>	<i>Мы устали от великих!</i>						успех как самоцель	приумножение подвигов
							Борцы за идеал науки и творчества	
Надлом (1800-2000)	<i>Мы знаем, мы знаем, всё будет иначе!</i>						положительный результат творчества	позитивная оценка результата
<i>Переход</i>	<i>Дайте же жить, гады!</i>						Борцы за идеал благосостояния, приобретаемого с риском для жизни	
Инерционная фаза (300 лет)	<i>Будь таким, как я!</i>						накопление материальных ценностей	общество как арена борьбы за богатство
<i>Переход</i>	<i>С нас хватит!</i>						Сторонники идеала благосостояния, приобретаемого без риска для жизни	
Обскурация (200 лет)	<i>Будь таким, как мы!</i>						накопление материальных ценностей	культ семьи как опоры для материального благополучия индивида
<i>Переход</i>	<i>День, да мой!</i>						Тихие обыватели	
Мемориальная фаза (200 лет)	<i>Помни, как было прекрасно!</i>						сохранение и воспроизводство жизни	следование традициям предков
<i>Переход</i>	<i>Будь сам собой доволен, тролль!</i>							
Гомеостаз	<i>Забвение, утрата императивов</i>							

¹ Таблица составлена по материалам: Гумилёв Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. – М.: Айрис – Пресс, 2007. – С. 288 - 289; Плуцевский А. М. Термодинамика исторической жизни народов. – М. [б. и.], 2007. – С. 16 - 33.

вновь возникнуть, как правило, на стыке природных ландшафтов¹.

Из рассуждений и системы доказательств автора, построенных на анализе асинхронных волн этногенеза 40 этнических сообществ², следовал важный в разрезе нашей темы вывод о том, что ближайшим следствием эффекта преобразования геохимической энергии живого вещества в социальные формы жизнедеятельности явилось формирование психического пространства больших групп.

Так, была прослежена синхронизированная с указанными фазами последовательность смены принципов отношения этнического коллектива к индивиду. Расшифровка смыслов императивов позволяет говорить о полном цикле эволюции общественных настроений, который зарождался одновременно с атмосферой культивирования патриотической доминанты в поведении ещё не осознающей себя личности (главная идея фазы подъёма – «общественный долг»), впоследствии уступившей место возвышению её гражданской значимости и созданию кулуаров (идея акматической фазы – «сила и натиск»), за которыми следовало разочарование широких масс в прежних идеалах (фаза надлома), и постепенный переход от ориентации на созидание к мотивам непосредственной выгоды и пренебрежения долгом (идея инерционной фазы – «Правила и Закон»). В фазе обскурации (ведущий императив – «никому ничего не надо») «исчезает сама возможность сохранения этнической доминанты»³.

Автор, распределив стили поведения индивидуумов с доминирующими мотивами в системе координат:

- ось Y – служение идеалу (+) – самосохранение (–),
- ось X – безрассудность (+) – разумный эгоизм (–),

---

¹ Гумилёв Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. – М.: Айрис – пресс, 2007. – С. 288 - 289.

² Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – С. 353 - 357.

³ Там же. – С. 464; Блинков А. В. Внутри хаоса. [Электронный ресурс] – URL: <http://self-org.livejournal.com/2240.html> (дата обращения 10.09. 2011).

вывел формулы жизненной стратегии отдельных групп – носителей пассионарной энергии со знаками «+» и «–», а именно: жертвующих собой во благо общества, борцов за идеалы победы, успеха, науки и творчества, благосостояния с риском для жизни и без риска и других. Для каждой группы была отмечена ограниченная по времени динамика интенсивности влияния на этническое пространство, в миниатюре напоминавшая волну пассионарной энергии¹.

Концепция этнического времени Л. Н. Гумилёва обрела большое количество последователей, которые в рассматриваемый период успешнее занимались пропагандой её постулатов, пересказывая и обнаруживая в различных областях знаний новые им подтверждения, как, например, А. М. Плущевский, предложивший с помощью математических моделей измерить в условных баллах средний уровень пассионарности по некоторым группам носителей этой энергии (см. таблицу 2).

Вместе тем в историографии сложилось неоднозначное отношение к теории этногенеза и выводам, которые каким-либо образом имели к ней отношение. В частности, подвергалась сомнению научность концепции пассионарности. Претензии к автору, в своё время озвученные Ю. В. Бромлеем, И. Р. Григулевым, Б. М. Кедровым, В. И. Козловым, Я. Лурье, Б. А. Рыбаковым и другими представителями исторической науки и этнологии, не потеряли актуальности и касались двух основных моментов. Широкая историко-культурная эрудиция Льва Николаевича нередко допускала неточность в изложении некоторых фактов или их вымысел с точки зрения известных, ранее уже выверенных по источникам знаний², что снижало доверие к его доказательной базе.

---

¹ Гумилёв Л. Н. Указ. соч. – С. 339.

² См.: Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности этноса // Природа. – 1970. – № 2. – С. 51 - 55; Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Кривелев И. А. По поводу статьи Ю. М. Бородея «Этнические контакты и окружающая среда» // Природа. – 1982. – № 3. – С. 88 - 91; Лурье Я. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилёва // Звезда. – 1994. – № 10. – С. 167 - 177; Рыбаков Б. А. О преодолении

Далее. Классическая теория энергообмена объясняла взаимодействия живых существ, и её воспринимали обществоведы. Теория была выстроена на представлениях об исключительно пищевом поступлении внешней энергии в организм.

Поэтому рассуждения о космических импульсах, о мутациях и заявляемой специалистом по археологии энергии, неизвестной по происхождению, не поддающейся измерениям, априорно отрицались как ненаучные. На мировоззренческом уровне критикам, исповедовавшим идеи поступательного развития человечества и, в частности, своей нации, трудно было согласиться с утверждениями о конечности её существования и предопределённости императивов поведения в будущих периодах, несимпатичных с точки зрения современных идеалов гражданского общества (патриотизма, социальной справедливости, активной жизненной позиции и других).

И всё же глубинные причины неприятия скрывались в том, что питательной средой консервативного отношения к новым идеям являлось господство проблематики социального времени и оперирование преимущественно философскими смыслами его свойств, служившими универсальным средством в пределе нивелировать объяснение темпоральности явлений неизвестной природы до трюизма о многообразии форм движения материи. Представители социогуманитарных наук в границах своих областей знаний не могли получить неоспоримых аргументов и доказать несостоятельность концепции пассионарности с помощью классического аналитического инструментария.

Таким образом, научное сообщество ещё не было готово к чёткому обозначению проблемы времени российской цивилизации, без решения которой было невозможно познание её свойств как целостности и полноценное теоретическое обоснование как реальности. Новые идеи, кроме сторонников, приоб-

---

нии самообмана. (По поводу книги Л. Н. Гумилёва «Поиски вымышленного царства». – М., 1970. – 432 с.) // Вопросы истории. – 1971. – № 3. – С. 153 – 159.

ретали авторитетных критиков. Ключевые понятия не были снабжены непротиворечивыми дефинициями.

Определяя локальную цивилизацию как часть человечества, проживающую в пространстве и во времени суперэтноса, объединённую комплементарными многовековыми традициями в социальном мышлении и самоорганизации, мы полагаем, что её основное свойство проявляется в титульном этносе и заключается в способности в начале своего полного жизненного цикла накапливать и в последующие периоды рассеивать без остатка пассионарную энергию.

Энергетическая природа данного свойства не вызывает сомнений и представляется первичной для свойств многочисленных социальных сфер, составляющих указанную суперсистему. В противном случае мифологизация пассионарности должна означать, что этнический элемент, позиционируемый философами как ядро социальной системности, находится в инертном состоянии, но в таком качестве он не может являться генератором для развития всей совокупности общественных отношений в масштабе полиэтнической цивилизации. Иными словами русский этнос не может быть одновременно и титульным, и реликтовым.

Что касается позиции представителей естественных и физических наук, то редкие случаи их обращения к феномену пассионарности лишь выборочно мобилизовывали потенциал соответствующих дисциплин, оставляя невостребованным накопленный материал о физических свойствах организма человека, имевших непосредственное отношение к формированию этнической среды. Речь идёт о естественно-научном объяснении причин продолжительного психического единения индивидуумов, рассредоточенных на большой территории, об эффекте заражения масс внутренней энергией лидеров (харизмой) и других явлениях, которые в конце XX столетия стали предметом глубоких исследований. Указанный материал, несомненно, представлял ценность для понимания истоков этнической и

межэтнической солидарности, обеспечивавшей с другими, не менее важными, в том числе социальными и природными факторами, консолидацию населения в масштабе локальной цивилизации. В этой связи отметим некоторые идеи, открывавшие перспективу интерпретации пассионарной энергии в хронометрическом измерении.

Было замечено, что динамика пассионарности, графически представленная Л. Н. Гумилёвым в виде солитоновой волны, напоминала кривую интенсивности горения костра. Аналогия оказалась уместной, так как в междисциплинарном пространстве естественных наук изучение когнитивных процессов, как правило, базировалось на представлениях о веществе как иерархически сложной системной организации энергии¹.

В ходе работы над сформулированной В. И. Вернадским проблемой биологического времени была открыта возможность хронометрировать темпоральность не в астрономических единицах, а в особых единицах длительности, отмеряемых при помощи тех или иных процессов изучаемого живого организма. Обнаруживалось единообразие в развитии организмов одного вида, подчинённое неизвестным внутренним динамическим законам². В конце XX в. существенный прорыв в понимании структуры биологического времени произошёл благодаря концепции о психофизиологической природе темпоральности. Причина ускользания времени от непосредственной регистрации соматическими анализаторами человека виделась сторонникам концепции в том, что психическому восприятию доступно только знание о его течении, но недоступен нейрофизиологический механизм этого течения, механизм кодирования и передачи короткими электрическими импульсами информации в нервной системе³. Опытным путём пришло осознание то-

---

¹ Медеяновский А. Н., Водяха Г. И. Необычные возможности человека и теория власти. – М.: Айрис-пресс, 2004. – С. 130.

² Хасанов И. А. Биологическое время. – М.: ИПКгосслужбы, 1999. – С. 5.

³ См.: Годик Э. Э., Гуляев Ю. В. Физические поля человека и животных // В мире науки. – 1990. – № 5. – С. 75 - 83; Дзюба С. В. Онтология В-теории

го, что тело человека, состоящее более чем наполовину из воды (% варьируется в зависимости от возраста), является сенсором слабых электромагнитных воздействий, составляющих формацию «тонких» полей, которая, собственно, и является субстратом психики¹.

В естественных и физических науках активизировались исследования, связанные с функционированием энергетических полей организмов. Важным подспорьем служили результаты, достигнутые в этом направлении в предыдущие годы, как, например, открытие точек с переменными электрическими потенциалами, использованное затем для регистрации электроэнцефалограмм². Среди циркулировавших идей и концепций выделялась гипотеза Р. Шелдрейка о существовании морфогенетических полей, вызывающих измеряемые физические эффекты. Согласно автору, существуют невидимые структуры, которые восстанавливают тела кристаллов, растений, животных и каким-то образом обуславливают их поведение. Поле служит своего рода матрицей, которая формирует и регулирует каждую последующую единицу одного и того же типа. Новые единицы настраиваются на имеющуюся матрицу или входят в резонанс и затем воспроизводят её свойства, усиливая тем самым материнское морфогенетическое поле³. Гипотеза объясняла случаи параллельных изобретений, очевидную «телесную память» о старых травмах (фантомные боли), то есть указывала на тенденцию передавать однажды усвоенные навыки без каких-то видимых контактов другим субъектам, у которых затем будет

времени и гипотеза о психофизиологической природе течения времени // Вестник Амурского государственного университета. – Сер. Гуманитарные науки. – 2006. – № 34. – С. 3 - 7.

¹ Манеев А. К. Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 363 - 364.

² Фурса Е. Я. Мироздание – мир волн, резонансов и... ничего более. – Мн.: УниверсалПресс, 2007. – С. 49.

³ Шелдрейк Р. Новая наука о жизни / Пер. с англ. Е. М. Егоровой. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – С. 7 - 9.

наблюдаться способность к более быстрой обучаемости этим навыкам.

Другие исследователи утверждали, что информационному полю любого существа присуща индивидуальность, так как оно, вбирая все известные физико-химические полевые взаимодействия, представляет собой качественно новый уровень этих взаимодействий¹. Названные выше и другие подходы в целом не отрицали тот факт, что человек, как подчеркнул А. Н. Медеяновский, является источником двух существенно различающихся между собой процессов. С одной стороны, он выступает излучателем коротких энергетических потоков относительно замкнутых полей биологического происхождения, имеющих эффект только ближнего действия, подчиняющихся законам физики. С другой стороны, нейроны обладают свойством «передачи информационных и собственно энергетических взаимодействий на значительные расстояния с минимальными затратами мощности и времени»². Так, ещё в 1922 г. академик Л. П. Лазарев сделал предположение о длине большой волны до 30 тыс. км. Немецкие физики Ф. Зауэрбрух и В. Шуман обнаружили вокруг сокращающихся мышц человека низкочастотные электромагнитные поля, которым соответствовали волны длиной 6 тыс. км³. При этом отмечалась предельная рассеянность импульсов, затрудняющая их концентрацию на чём-то жизненно важном.

Приведённые в далеко не полном своём перечне идеи исследователей могли быть использованы для объяснения момента происхождения психической основы этничности (и, следовательно, цивилизационной общности) порядком взаимодействия энергетических полей различной длины, образованных импульсами нейронов. Ещё предстояло уточнить истинный источник пассионарности (космическое излучение, внут-

---

¹ Симаков Ю. Г. Информационное поле жизни // Химия и жизнь. – 1983. – № 3. – С. 89 - 90.

² Медеяновский А. Н., Водяха Г. И. Указ. соч. – С. 57, 64.

³ Фурса Е. Я. Указ. соч. – С. 49 - 50.

ренная энергия планеты, вирусы или иной). Тем не менее в рамках физических знаний невозможно было отрицать как вероятность её существования, так и причастность дальнедействующих энергоинформационных волн, излучаемых организмами индивидуумов, к появлению того или иного этнопсихологического пространства.

Некоторые вопросы могла снять гипотеза о психофизическом резонансе¹. С данным явлением сталкивались представители многих наук, в том числе и когнитивных. Как наглядный пример, психологи отмечали проявление резонанса на зрелищных мероприятиях, когда большой коллектив единомышленников, действовавших или мыслящих в «такт», создавал механические и другие колебания большой амплитуды, вынуждая в их ритмах «колебаться» (мыслить, действовать) других людей, чьи собственные колебания-программы не совпадали с доминирующим фоном или оказались очень слабыми². Изучение аналогичных состояний осуществлялось в проблемном поле психологии больших коллективов. Считалось, что живой организм представляет собой полирезонансную электромагнитную систему. На этом основании некоторые исследователи идентифицировали этнические резонансы в виде расцвета и упадка этносов, цивилизаций³.

Приведённые выше рассуждения, построенные на объяснении физической природы психических процессов, были созвучны концепции психологии масс Г. Лебона, идеям С. Московичи, Д. В. Ольшанского и других зарубежных и отечественных учёных, писавших о человеческой массе (толпе) как о временной совокупности равных, анонимных и схожих между собой

---

¹ Резонанс (франц. resonance, от лат. resono – звучу в ответ, откликаюсь) – отклик колебательной системы (осциллятора) на периодическое воздействие с частотой, близкой к частоте её собственных колебаний, в результате которого происходит резкое возрастание амплитуды вынужденных колебаний осциллятора.

² Поис А. Наш мир и Мы. – М.: МЦНТИ, ООО «Мобильные коммуникации, 2004. – Ч. 2. – С. 79.

³ Фурса Е. Я. Указ. соч. – С. 357, 365.

людей, в недрах которой идеи и эмоции каждого имеют тенденцию выражаться спонтанно¹. Утверждалось, что длительная тревога и страх, угнетающие зависимость людей от враждебных им сил закономерно способствуют появлению потребности в поиске идеала или веры. Возникал тот психологический фон, на котором харизматичные вожди, обладая способностью заражать своих слушателей энергией, передаваемой через вибрацию звуков речи, выражение эмоций, личный пример и другие резонирующие с настроением масс трансляторы², творили новые общественные связи и отношения.

Таким образом, учёные на языке психологии описывали зарождение психоэнергетического резонанса, где роль осциллятора отводилась определённой группе населения, жаждавшей перемен в своей жизни к лучшему, а роль воздействующего на колебательную энергоинформационную систему масс – пассионарным личностям, формировавшим общий императив поведения, например, «надо исправить мир, ибо он плох» или другой из списка Л. Н. Гумилёва.

Как видим, феномен времени локальной цивилизации имел перспективу быть понятым в междисциплинарном пространстве – путём синтеза идей, которые сформулировали учёные в процессе изучения уровней психики, физических и физиологических свойств организма человека. Приемлемую в данном случае неоклассическую методологию дополнял сформулированный в общей экологии принцип преломления действующего фактора в иерархии систем, согласно которому «энергия, вещество и информация, поступающие в систему

---

¹ Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.; Москвичи Серж. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр. Т. П. Емельяновой. – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. – С. 28; Лебон Гюстав. Психология народов и масс. – М.: Академический проект, 2011. – 238 с.

² См.: Кравченко В. И. Харизма как социокультурный феномен (философско-антропологический анализ): дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2005. – 276 с.; Эмото Масару. Послания воды: Тайные коды кристаллов льда. – М.: ООО Издательский дом «София», 2005. – 96 с.

извне и выступающие как факторы её жизни, действуют не в «чистом» виде, а селективируются и видоизменяются этой системой»¹.

Из сказанного следовало, что истоки темпоральности российской цивилизации находятся в пространстве дальнедействующих энергоинформационных полей, излучаемых нейронами, выполняющих функцию первичного этнопсихологического субстрата. Это значит, что полный жизненный цикл более точно хронометрируется по фазам динамики её основополагающего свойства – накопления и последующего рассеивания пассионарной энергии титульного этноса (русских).

Таким образом, представления нео-(постне) классиков о времени российской цивилизации в рассматриваемый период оставались вероятностными. Выявленная лакуна в методологии исторического знания о времени российской цивилизации являлась следствием традиционной самоизоляции представителей гуманитарных, естественных и физических наук, творческий союз которых мог стать плодотворным для изучения многомерной природы темпоральности.

2.3. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ О ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Новые для отечественной историографии размышления о пространстве российской цивилизации со второй половины 1980-х гг. стали заметной частью трудов историков, философов, политологов, культурологов, географов и этнологов. Они появились в продолжение сложившейся традиции различать пространства по жизненным сферам, как, например, географиче-

---

¹ Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила принципы и гипотезы). – М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. – С. 56.